

Ariel Magnus

Tür an Tür

Nazis und Juden
im argentinischen Exil

Ариэль Магнус

ДВЕРЬ В ДВЕРЬ

Как нацисты и евреи
оказались соседями
по эмиграции
в Аргентине

Individuum
2026

УДК 94
ББК 63.3(7Арг)
М12

Магнус, Ариэль

М12 Дверь в дверь. Как нацисты и евреи оказались соседями по эмиграции в Аргентине / Ариэль Магнус; [пер. с нем. Е. Токовина] — М.: Individuum, Эксмо, 2026. — 176 с.

ISBN 978-5-04-247369-2

Как жить, когда ненавидишь своих соседей? Ответ на этот вопрос пришлось искать Хайнцу Магнусу, немецкому еврею, который в 1930-е уехал из Германии в Аргентину. Он пересек полмира, обосновался в Буэнос-Айресе — и оказался в одном доме с ярыми поклонниками Гитлера. Трагикомическую историю о том, как в Аргентине десятилетиями сосуществовали евреи и нацисты, в том числе бежавшие после поражения рейха, рассказывает внук Хайнца — аргентинский писатель из Берлина Ариэль Магнус. Погружаясь в прошлое страны, охотно принимающей иммигрантов, он размышляет о сложностях идентичности и глубокой неприязни — и задается вопросом, возможно ли примирение между потомками палачей и жертв.

УДК 94
ББК 63.3(7Арг)

© 2023 by Verlag Kiepenheuer & Witsch
GmbH & Co. KG, Cologne/Germany
© Екатерина Токовина,
перевод с немецкого, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-247369-2

Individuum®

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ГОСПОЖА ИЗ БУЭНОС-АЙРЕСА	7
2. АРГЕНТИНСКИЕ НЕМЦЫ	13
3. ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕМЕЦКОГО ЕВРЕЯ	22
4. ВСЛЕД ЗА БАРОНОМ	33
5. НАШИ ЛЮДИ	38
6. КТО ТАКИЕ ЙЕККЕ?	43
7. НАША ЛЮБИМАЯ (В ПОРУ УЧЕБЫ НЕ ВСЕГДА, НО ЗАТО ПОТОМ УЖЕ ТОЧНО) ШКОЛА	50
8. МЫЛЬНАЯ ОПЕРА	61
9. НЕМНОЖКО МИРОВОЙ ВОЙНЫ	69
10. ВЕЛИКИЙ БЛЕФ	78
11. ТАНГО ДЛЯ ФЮРЕРА	85
12. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ В АРГЕНТИНЕ	93
13. ЮЖНЫЙ КРЕСТ — ИЛИ СВАСТИКА?	103
14. «ПУТЬ», ШАГ ЗА ШАГОМ	110
15. НЕУТОМИМЫЙ ФОН ОВЕН	116
16. БЫЛ ЛИ ПЕРОН НАЦИСТОМ?	123
17. СЦЕНЫ ИЗ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЖИЗНИ	139
18. ИСТОРИЯ «ДВУХ ДЕРЕВЕНЬ»	152
19. ЗАПОЗДАЛОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ	164
БЛАГОДАРНОСТИ	169
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	171

1. ГОСПОЖА ИЗ БУЭНОС-АЙРЕСА

Представьте себе такую ситуацию: еврей сбегает из Гамбурга в Буэнос-Айрес, преодолевает расстояние в двенадцать тысяч километров... и оказывается в доме, где проживают нацисты. Даже в романе такой сюжетный ход показался бы немного притянутым за уши, но именно такова трагикомичная судьба моего дедушки, Хайнца Магнуса.

Дом находился по адресу улица Монро, 4140, на окраине Бельграно, самого немецкого района аргентинской столицы. В доме было четыре квартиры — две снизу и две сверху — и сад. В одну из квартир на первом этаже и въехали мои бабушка с дедушкой, даже не подозревая, какие соседи живут наверху. Это была семейная пара по фамилии Винклер, и проблемы, по правде говоря, были в основном с фрау Винклер.

— Она выглядела как Чарльз Лоутон в роли Квазимодо из фильма «Горбун из Нотр-Дама», — вспоминает старшая

сестра папы, Габи, которая родилась в 1945 году. «Мало вас Гитлер поубивал!» — говорила фрау Винклер в хорошие дни. Во все прочие дни она изрыгала потоки оскорблений.

Похоже, бездетную фрау Винклер совсем не радовало соседство с малышами, а моя бабуля, Лизелотта Магнус (урожденная Якоби) родила троих подряд: Габи, Рут и Томми — моего папу. Однако стычки начались еще до рождения детей. Когда закончилась война, папин шурин Ханс Якоби привез с собой проигрыватель с пластинками и врубил на полную громкость «Интернационал» на немецком (в Аргентине он изначально получил известность именно в таком исполнении).

«Мало того, что Фатерлянд проиграл войну, так еще и это!» — взывала Квазимодиха на верхнем этаже.

Однако на этот раз она не ограничилась одними воплями и выплеснула на террасу бабушке с дедушкой грязную жижу, которая скапливалась у нее в водостоке кухонной раковины. «Воняло как в клоаке», — вспоминает папа, родившийся в 1950-м. А еще она никогда не забывала крикнуть: «Жида поганые!» или что-нибудь в этом духе. Один раз бабушка с дедушкой даже вызвали полицию, чтобы положить конец ее выходкам, и фрау Винклер действительно забрали в полицейский участок. Однако через пару часов она вернулась, и все осталось по-прежнему.

Больше всего доставалось моей тете Рут, родившейся в 1946 году. Она любила делать растяжку в саду в обтягивающей спортивной одежде, и из-за этого Квазимодиха, конечно же, обзывала ее шлюхой. В один прекрасный день двенадцатилетней девочке надоели оскорбления, и она вызвала фрау Винклер на дуэль. Причем по классике жанра:

«А ну выходите, и разберемся по-мужски!» И фрау Винклер действительно выперлась из своей квартиры! Должно быть, проезжавшие мимо водители автомобилей, автобусов и трамваев сворачивали шеи, чтобы поглазеть на этакое шоу: спортивная, грациозная еврейка выступала против тучной злобной нацистки прямо посреди тротуара, на широкой авениде. Правда, особого экшена не случилось. Насколько мне удалось восстановить события, Рут просто отобрала у бабки трость и пригрозила задать ей хорошую трепку, но до рукоприкладства так и не дошло: лишившись опоры, толстая старуха сама бухнулась задом об землю.

Настоящий нокаут произошел позже, когда у дедушки наконец лопнуло терпение. К тому времени, в начале шестидесятых, господин Винклер уже покончил с собой, и подружки Габи частенько приходили к ней в гости посмотреть на сумасшедшую бабку с верхнего этажа. Хайнц же не видел ничего смешного в постоянной травле со стороны соседки, и у нас даже есть основания предполагать, что хроническое заболевание сердца, от которого он умер в 1966 году, в возрасте всего лишь 52 лет, не в последнюю очередь было связано с неадекватной госпожой Винклер. Так или иначе, его хрупкому здоровью вряд ли пошло на пользу то, что однажды он окончательно вышел из себя, выскочил из квартиры и начал швырять наверх все, что попадалось под руку, — причем с поразительной меткостью. После этого происшествия фрау Винклер подуспокоилась, но здоровье дедушки уже было не восстановить. И хотя он все-таки пережил старую нацистку, но пережил так же, как и многие другие евреи, прошедшие через нацистский режим: с видимыми и невидимыми ранами.

Это анекдотичное столкновение растянулось во времени и поэтому больше напоминало дурацкий сериал, но в моей семье о нем всегда вспоминали с некоторой беззаботностью. Если приходилось к слову, и сам я пересказывал эти события в такой же манере. Лишь во время поездки по Германии, когда я выступал с чтениями и слушатели задавали вопросы о том, как уживались в Аргентине немецкие и еврейские выходцы из Германии, я вдруг осознал, что жизнь на улице Монро, 4140, была отнюдь не нормальной. Возможно, в нашей семье это считалось нормой, потому что в психике срабатывал некий защитный механизм вытеснения: во-первых, моим родным было просто неоткуда взять денег на переезд, к тому же было бы чрезвычайно несправедливо съезжать, не выдержав травли. Однако такое положение дел казалось нормальным и другим аргентинцам, которые прекрасно знали о положении дел и об этой странной форме сосуществования внутри «немецкой колонии» двух больших групп с противоречиями, которые казались неустраимыми.

Каким же образом произошло столкновение представителей одной и той же культуры (а вовсе не разных культур!), оказавшихся так далеко от родины? И как в итоге в этой одной культуре уживались две враждующие стороны? Этими вопросами пострадавшие задавались, пожалуй, в последнюю очередь, однако именно ответы на них позволили мне по-новому взглянуть на ситуацию. Как представитель второго поколения, рожденного в Аргентине, я, конечно же, больше чувствую себя аргентинцем, чем немцем. Вы, наверное, спросите — а как же это соотносится с немецкой и еврейской идентичностями? Мне не хотелось бы разделять их, и все же, вопреки моему желанию, это разделение

существует, а раньше, когда моя семья была вынуждена бежать в Аргентину, оно чувствовалось еще сильнее.

Меня воспитывали одновременно как еврея и как немца, причем второе в итоге перевесило, в том числе и потому, что я снова живу в Германии, как и двое из трех моих братьев и сестер. Однако все немецкое во мне быстро улетучивается, когда я сталкиваюсь с немцами или иностранцами сомнительных взглядов. Правда, я почти никогда не возмущаюсь в ответ на грубые нападки. Негодование кажется мне неэлегантным, и даже пустой тратой сил. Мне ближе ирония.

Здесь стоит также задуматься о том, могу ли я в самом деле дистанцироваться от изучаемой темы, ведь это весьма непросто. Как бы мне ни хотелось этого избежать, углубляясь в историю немцев в Аргентине, я и сам становлюсь предметом исследования. В одном лишь выборе и подходе к чтению источников уже проявляются признаки субъективизма, о существовании которых я и сам не подозревал. Иными словами, я вижу в книгах гораздо больше свастик, чем среднестатистический читатель — порой даже там, где, возможно, их вовсе нет. Подобная одержимость уже позволяет многое понять о том, что происходит в сознании третьего поколения немецко-еврейских эмигрантов, которые снова вернулись на родину.

Все это звучит очень ясно и продуманно, но вместе с тем и смущает. И это даже хорошо. Значит, мы приближаемся к ядру травмы. Речь идет, конечно же, об унаследованной травме, причем я имею в виду всех участников этой истории. Сейчас у нас есть больше пространства для маневра, чем тогда, когда рана еще оставалась открытой и даже грозила навсегда разделить немцев и евреев. Или же Холокост

окончательно закрепил этот раскол внутри немецкой культуры? Сейчас некоторые из нас, немецких и не-немецких евреев и немцев, живущих за границей, способны говорить о той боли спокойно, а иногда даже с юмором, но может ли затянувшийся рубец в любой момент вновь разойтись? Я в это не верю — иначе я никогда не смог бы вернуться в Германию. И, к сожалению, все-таки верю. Именно это внутреннее противоречие, как мне кажется, и лежит в основе мировоззрения людей с такой биографией, как у меня. Чтобы понять, как оно сформировалось, я предлагаю взглянуть на динамику напряжения в аргентинской «лаборатории». Эта история будет вполне занимательной, хоть эти события и происходили в середине прошлого века. Впрочем, им предшествовала история более давняя и длящаяся до сих пор.

2. АРГЕНТИНСКИЕ НЕМЦЫ

Чтобы ознакомиться с историей немецкой иммиграции в Аргентине, необходимо обратиться к внушительному труду Вильгельма Лютге и соавторов «История германства в Аргентине». Не только потому, что эта книга представляет собой первую и на сегодняшний день наиболее масштабную попытку осмыслить данную тему, но прежде всего потому, что она оказалась в центре собственного исследовательского замысла. Это очевидно уже по выбору заголовка: в защиту названия книги, вероятно, можно было бы сказать, что исследование посвящено не немцам, *die Deutschen*, — ведь изначально такого понятия не существовало*, или, по крайней мере, немногие выходцы с территории современной Герма-

* До объединения Германии в 1871 году. — Здесь и далее примечания переводчика и редакторов.

нии определяли себя именно так — а феномену «германства» (Deutschtum), который, с чисто технической точки зрения, скорее должен был носить инклюзивный характер, однако на деле приобрел совершенно противоположное наполнение.

Важно также отметить и дату публикации этой книги: 1955 год, то есть после того, как немецкая иммиграция в Аргентину достигла своего пика. Правда, многие из этих мигрантов исповедовали иудаизм или имели еврейское происхождение, то есть не были «настоящими немцами» с точки зрения людей, оставшихся в стране и приспособившихся к нацистскому режиму. Официальным поводом для издания книги послужило столетие создания «Немецкого клуба» в Буэнос-Айресе — старейшего немецкого объединения в стране, целью которого было «показать новопривышим, что немцы содействовали развитию Аргентины со времен основания аргентинского государства».

И даже раньше! Если верить историку-любителю Лютге, еще в незапамятные времена на этой земле, колонизированной испанцами, успели побывать немцы и иные выходцы из «Священной Римской империи германской нации». Так, в марте 1520 года на будущей аргентинской земле высадился немец Ханс Варг, командир артиллерии одного из пяти кораблей экспедиции Фернана Магеллана, в ходе которой на южной оконечности континента был открыт Магелланов пролив, соединяющий Атлантический и Тихий океаны. Варг был непосредственным участником этого географического открытия, однако погиб до завершения экспедиции, поэтому автор описывает это как «трагичную историю, которую можно назвать „почти сбывшейся“, как это нередко бывает с разнообразными начинаниями нем-

цев». О каких таких многочисленных начинаниях немцев идет речь, автор не уточняет.

Немногим лучше обстояли дела у баварца Ульриха Шмидля, хотя он был в числе основателей Буэнос-Айреса в 1536 году и впоследствии опубликовал первое известное в истории описание страны. В книге о нем говорится, что он «со свойственной немцу преданностью» держался за своего предводителя и что, будучи «совсем не жестоким от природы», он рассматривал коренное население прежде всего как добычу. По словам самого Шмидля, он предпочитал захватывать не стариков, а молодых людей, что, по мнению Лютге, представляло собой «трогательную наивность»*.

Уже в следующей главе автор сам с трогательной наивностью знакомит нас с основами расовой теории. Так, мы узнаем, что «помесь» первых поколений была ближе к индейцам, чем к европейским предкам, хотя постепенная ассимиляция со временем немного сгладила крайности: «приток свежей европейской крови» в конечном итоге смог воспрепятствовать «поглощению иммигрантов местным населением».

Однако немцы, к сожалению, «растворились в этой индейско-европейской смешанной расе», и сегодня «немецкий элемент» представляет собой лишь «каплю в смеси кровей» креолов. И все же «германство», прежде всего в лице конкистадора Шмидля, внесло отнюдь не малый вклад в освоение региона Рио-де-ла-Плата.

* Вероятно, Лютге так пытался неуклюже ретушировать расчетливость работорговца, якобы щадившего стариков (хотя на самом деле логично захватывать в рабство молодых людей: они будут дольше работать).